

Алёна Игоревна Першина, г. Тюмень

ТЕМА РУССКОГО РАСКОЛА В ПРОЗЕ М. М. ПРИШВИНА И Н. А. ЛУХМАНОВОЙ

«Текстовизация» пространства порождает формирование авторской «географии», основанной на личных переживаниях автором того или иного места. Только на основе собственного опыта писателя возможна детализация пространственного образа, выходящая за пределы условных характеристик. Так, особый жизненный опыт — пребывание в Сибири — формирует ценностное ядро творчества М. М. Пришвина (1873-1954) и Н. А. Лухмановой (1841-1907).

Сибирский город Тюмень стал для писателей не только «фактом жизни», но и художественно осмысленным локусом. М. Пришвин был в этом городе дважды (1889-1892 гг., после исключения из Елецкой гимназии и во время путешествия по Сибири в 1909 г.). Н. А. Лухманова с 1882 по 1885 г. жила в семье тюменского купца Ф. С. Колмогорова, будучи его невесткой. Опираясь на собственный опыт пребывания в Сибири, каждый из них создаёт автономный миф о сибирской земле, объединяющим началом которых служит тема русского раскола.

Заглавный герой очерка Н. А. Лухмановой именуется Белокрыницким по названию Белой Криницы, мирового центра русского старообрядчества, «страны "всеблажного" рая», где белый солдат Афанасий был посвящён в сан священника. Белая Криница в очерке не вымышленный локус. Лухманова, следуя очерковым принципам изображения действительности, отражает подлинные факты из истории старообрядческого движения.

Феномен Белокрыницкого священства интересен нам с точки зрения привлечения его в качестве литературного материала, поэтому ограничимся кратким экскурсом в историю его становления.

Главной проблемой старообрядцев после церковного раскола стало отсутствие легитимного священства. Согласно трёхчинной церковной иерархии посвящать новых священнослужителей может лишь епископ, однако последний архиерей старообрядцев Павел умер в 1656 году, а найти епископов, готовых перейти в староверие, не удавалось. Тогда «на московском соборе старообрядцев-поповцев было принято решение об организации епископской кафедры за границей. В 1846 г. в старообрядческую церковь был принят боснийский митрополит Амвросий и учреждена Австрийская, или Белокрыницкая, иерархия» [1: 68].

Белая Криница как духовный центр русского старообрядчества имела большое значение и для сибирских староверов, о чём свидетельствует очерк Н. Лухмановой. Родившийся в семье старообрядцев Афанасий «вырос на стихах о Белой Кринице. Качая его в зыбке, мать, суровая староверка, пела...». Далее Лухманова воспроизводит записанный ею отрывок из подлинного песнопения старообрядцев Иркутской губернии: «Только есть одна надежда — / Моя вера во Христа. / Сия вера и надежда / Много грешников спасла, / В покаянье, во спасенье / В Белую Криницу свела. / Возвещает нам писанье, / Где прекрасные места / Белой Криницы доброту / Всеблаженного рая» [2: 212].

Пользуясь тем, что в сознании староверов Белая Криница приобретает черты мифологической страны, несущей просветление и спасение, Афанасий объявляет себя Белокрыницким архиереем и становится желанным гостем в каждом старообрядческом доме. Так, основываясь на подлинно существующем Белокрыницком священстве, Лухманова воплощает авторскую интенцию — создаёт историю о Белокрыницком лжеархиере.

Выбор Лухмановой Белой Криницы как отправной точки сюжета объясняется не только религиозно-исторической ценностью данного места. Этот пространственный образ в созна-

нии староверов приобретает черты мифологической страны, несущей просветление и спасение, и напрямую соотносится с более известным мифологическим локусом — Беловодьем.

В представлении старообрядцев Беловодье — рай на земле, легендарная страна свободы и справедливости. Своими корнями легенда о Беловодье восходит к мистическим топосам славян, невидимому граду Китежу. Вход в Беловодье доступен только тем, кто чист душой, это место, где живут праведники. Соответственно, Беловодье было местом притяжения старообрядцев. И, к слову, путь в Беловодье пролегал через Тюмень.

Географическое положение этой страны (край земли, высокие горы) сопряжено с поэтикой «тайного места», что подчеркивает закрытый, обособленный характер территории. Данную символику раскола находим и в «Очерках из жизни в Сибири» Н. Лухмановой: «высокий глухой забор», «наглухо запертые ворота», за которыми «тайники» и «скрытые часовни».

Вместе с тем Беловодье воплощает модель рая, где «... среди божьего простора леса, воды и камня в неустанном труде» живёт человек. Образ идеального места — Беловодья — проецируется М. Пришвиным на Сибирь. Автобиографический роман писателя «Кощеева цепь» раскрывает историю дяди Пришвина, купца И. И. Игнатова, переехавшего в Тюмень в поисках лучшей доли. Оттого Сибирь является местом, несущим надежду и счастье, и для самого Пришвина. Рассказчик «Кощеевой цепи» воспринимает поездку в Тюмень как путешествие в «небывалое», «на белые воды».

Объединяет взгляд Лухмановой и Пришвина на Сибирь и тема переселенцев, воспринимающих Сибирь как обетованную землю. В прозе Пришвина в связи с этим возникают образы сибирских раскольников Адама и Евы, открывающих для себя новое «райское место».

Из очерка «Адам и Ева»: «Сибирь — золотое дно, страна обетованная. Зачем же здесь Адам и Ева? Да еще кому-то они мешают: кругом стоном стоят жалобы на этих непрошенных гостей. Пока я решаю странный вопрос так: богу наскучили жалобы вконец испорченного человека. Он сотворил его вновь и пустил опять в рай. И опять согрешил человек, и опять был изгнан из рая обрабатывать землю. И вот бродят теперь Адам и Ева, ищут места, где бы лучше и скорее выполнить заповедь божию. Бродят по тундрам, тайгам и пустыням. Но и тут земля занята» [3: 705].

Данный мотив — восприятие Сибири как «нового рая» — прослеживается и в очерке Н. Лухмановой «Переселенцы»: Настасья Нефёдова даёт согласие на брак с Андреем, и отныне они вместе, как Адам и Ева, осваивают новые земли.

Тема раскола раскрывается в прозе обоих авторов и через описание купеческой жизни. Именно купцы были яркими сторонниками сохранения заветов старой веры (в частности, поэтому в «Белокриницком архиерее Афанасии» местом тайной встречи староверов становится купеческий дом). Сохранить веру помогали тайные молельни, которые сооружались внутри купеческих усадеб. А чтобы обеспечить безопасный отход с тайных встреч, старообрядцы прокладывали подземные пути. Подземным путём спасается герой очерка «Белокриницкий архиерей Афанасий», когда в дом Угрюмовых, где он читает проповедь, нагрянул исправник.

На подземном пространственном образе сосредоточено внимание Н. Лухмановой, в то время как раскольничья геопоэтика М. Пришвина связана с водной стихией. В философском романе-притче «Осударева дорога» рассказывается новый космогонический миф, оживляющий мифологему «потоп». Вода выступает здесь в качестве испытанного материала для создания нового мира, где сходятся конец и вновь начало. Ждёт-ждется «мирская няня» Мария Мироновна огня Апокалипсиса, но мужская стихия огня отступает перед натиском иной женственной силы — силы воды. «Волшебница вода за это время успела вовсе затопить и скрыть помост... вода была колыбелью жизни, всё вышло из воды, и выходит, и будет жить, пока будет вода на земле» [4: 174].

Подземный город Н. А. Лухмановой и подводный М. М. Пришвина отсылают к мифическому граду Китежу, ушедшему под воду и таким образом спавшему от нашествия Батя.

Таким образом, мы можем выдвинуть гипотезу о становлении в прозе Лухмановой и Пришвина особого мифопоэтического локуса — раскольничьей Сибири. Это особый нарратив, представляющий переплетение мифологических мотивов (Белая Криница, Беловодье, град Китеж) и документальной основы.

Список литературы

1. Канатьева Н. С. Маргинализация старообрядчества к середине XIX века: происхождение Белокриницкой иерархии [Электронный ресурс] / Н. С. Канатьева // Наследие веков. 2019. № 4. С. 66-72.
2. Лухманова Н. А. Очерки из жизни в Сибири: Избранные произведения / Составление тома Ю. Л. Мандрики, предисловие К. Я. Лагунова, примечания Н. Ф. Швейбельман. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 464 с.
3. Пришвин М. М. Новые места // Собр. соч.: в 8 т. М.: Художественная литература. 1982. Т. 1. С. 698-731.
4. Пришвин М. М. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 6. Осударева дорога; Корабельная чаща. М. 1984. 439 с.